

Край белых трусиков из тонкой белой ткани был подцеплен изящными пальцами и закручен в аккуратный валиком сгиб. В ванной клубился влажный пар, ресницы слиплись от влаги, а белоснежная кожа и крошечное личико порозовели и налились соком. Широко распахнутые глаза выражали легкое замешательство.

Сы Жун на мгновение растерялся, затем закусил алые губы, заторможенно скрестил тонкие белые руки на груди и с застенчивой растерянностью отвел взгляд.

— Но мне нужно всего две минуты, я быстро, — в тихом, мягком голосе слышалось смущение. Его острый изящный подбородок чуть дрожал, а на хорошеньком личике проступало раздражение.

Фэн Бай, обладавший широкими плечами, стоял в дверях, словно прямой белый тополь, почти полностью заслоняя свет снаружи. Его слегка ввалившиеся щеки натянули линию подбородка, а мрачный взгляд намертво прилип к стоящему перед ним парнишке, чья красоча казалась почти неестественной.

Даже его тонкая шея покраснела, а из одежды на всем теле осталась лишь полоска тонкой ткани ниже живота. Округлые пальцы ног непроизвольно сжимались и расслаблялись на белоснежной кафельной плитке, пока ладони закрывали самые чувствительные места на груди.

— Что ты прячешь? Разве я этого не видел? — Фэн Бай легко усмехнулся. Глазницы у него были глубокими, а густые брови пересекал свежий, еще не затянувшийся кровавый шрам, отчего его облик казался еще более зловещим.

Сы Жун невольно сделал шаг назад, икры его ног мелко дрожали, заставляя подрагивать и мягкие складки кожи, прижатые резинкой белья. Невинным тоном он сердито огрызнулся:

— Бесстыдник!

Фэн Бай вел себя так, будто разглядывал ценный музейный экспонат: он просто стоял на месте, не двигаясь ни вперед, ни назад, и снова и снова вглядывался в эту точеную белую талию. Смуглая кожа не могла скрыть резких черт его лица.

Всего пара брошенных невзначай фраз, пара пререканий и попыток оттолкнуть друг друга — а в нем уже всколыхнулось грязное, яростное желание причинить боль.

Подняв руку, он потер межбровье, немного переждал и наконец намеренно поддразнил Сы Жуна:

— Почему у тебя рот не закрывается? Что ты только что ел?

Выражение лица Сы Жуна застыло. В голове послушно всплыл образ черного куска ткани,

зажатого во рту, и ощущение ноющей усталости от того, как сильно были растянуты щеки, вновь накатило с новой силой. Нахмурившись, он бросил через плечо:

— Ничего я не ел... Уходи скорее!

Судя по сюжету, Фэн Бай был его заклятым врагом — холодным соседом по комнате, который считал каждое его действие ошибочным. С чего бы ему вдруг вести себя с ним так пугающе интимно?

В чистой и тесной ванной не было слышно ни единого дыхания, лишь глухо журчала вода, омывая пол.

Фэн Бай пристально посмотрел на него, прищурился и развернулся. Его низкий голос звучал бархатно:

— Снятую одежду положи в корзину для белья, я завтра постираю всё вместе.

Сы Жун слегка растерялся, но сдержался и не стал отвечать — иначе, если он снова призовет Фэн Бая обратно, дело обернется плохо. Нерешительно моргая, он мысленно спросил Систему:

— Почему он хочет стирать мои вещи, да еще и так привычно? Раньше он тоже помогал так прежнему Сы Жуну?

0528 ответило:

— Нет, он общался с прежним хозяином тела всего пару раз и даже в общежитии ночевал редко. Так что он ведет себя так только с тобой.

— Вот как? Какой он странный.

Сы Жун осторожно сделал два шага к выходу и предусмотрительно запер дверь изнутри.

Впрочем, иметь бесплатную рабочую силу для стирки было даже неплохо — он терпеть не мог домашние дела. Стирка, готовка, мытье посуды, уборка — он ненавидел абсолютно всё.

Сы Жун быдомом сполоснулся. Боясь, что Фэн Бай заждался, да и опасаясь, что вот-вот отключат воду, он кое-как натянул одежду и, на ходу вытирая полотенцем кончики волос, вышел наружу.

В комнате было пусто и безлюдно, отчего она снова казалась необитаемой. Фэн Бай куда-то исчез.

В ушах внезапно зазвенело, мир перед глазами на пять секунд поплыл и перевернулся.

Это ощущение было слишком знакомым: за исключением галлюцинации с куклой, устроенной Чи Шэнем, всё в точности повторяло первую ночь. Сы Жун уперся руками в край кровати, переживая приступ головокружения. Когда сознание прояснилось, дверь в комнату приоткрылась на узкую щель.

Фэн Бай вошел с пиалой каши — трудно было представить, где он раздобыл ее посреди ночи, — от которой поднимался густой пар.

Сделав три шага, он подошел прямо к Сы Жуну и протянул кашу вместе с фарфоровой ложкой. В его движениях чувствовалась некоторая неловкая неуверенность, а кадык невольно дернулся:

— Я тут кое-что приготовил, поешь.

— Съешь всё до конца, а не то... — Фэн Бай на секунду замолк. — За расточительство еды я стяну с тебя штаны и выпорю.

Сказав это, он напрямик направился в окутанную туманом ваную, шагая чуть быстрее обычного.

Сы Жун обессиленно сидел на постели, зажав в руках пиалу с кашей. Он был искренне поражен.

Ему все труднее было понять странный нрав Фэн Бая: тот вроде бы заботился о нем, но при этом свирепо угрожал.

Припомнив вторую часть угрозы, Сы Жун слегка дрогнул пальцами, сжимавшими ложку, и несвоевременно вспомнил, что Се Тин говорил ему точно то же самое, а заодно, кажется, вручил огромную кружку с наказом обязательно выпить всё до последней капли.

Голова у Сы Жуна кружилась, и он совершенно не помнил, куда запропастилась эта кружка, поэтому невнятно спросил 0528:

— Ты помнишь, куда я ее дел?

0528 потребовалась всего секунда на поиск, после чего оно быстро отрапортовало:

— В классе. Ты просто сунул ее в ящик стола.

Сы Жун пару раз хмыкнул, решив при случае забрать кружку обратно: как-никак, это было проявление внимания со стороны Се Тина. К тому же, когда эти двое грозно хмурились, они выглядели до ужаса убедительно — кто знает, вдруг они действительно пристегнут его наручниками к изголовью кровати, оставив совсем без одежды, как настоящего преступника. Он понемногу попивал жидкую белую кашу. На вкус она была вполне неплоха, но желудок у него был маленький, аппетит — слабый, и, съев едва ли половину, он больше не мог осилить ни ложки, послушно слизав с уголка губ капли густой белесой жидкости.

Фэн Бай как раз вышел из ванной, сплошь покрытый испариной, с обнаженным торсом. Его рельефные, упругие мышцы живота так и излучали недюжинную маскулинную притягательность. Темные волосы слегка влажно падали на брови и глаза, в которых отражалось, как Сы Жун высунул мягкий розовый кончик язычка, чтобы слизать капельку с губ. Без всякой на то причины запястья Фэн Бая чуть заметно напряглись.

Он без всяких стеснений стоял у кровати Сы Жуна, а две линии Адониса терялись в резинке пижамных штанов, обнажая уголки мокрого черного белья.

— О чем задумался? Я тебя уже несколько раз звал, а ты и ноль внимания. — Тонкие губы Фэн Бая скривились в недовольстве. На нем даже рубашки не было надето, а Сы Жун на него и взглянуть не пожелал.

Сы Жун с заторможенной реакцией поднял на него глаза и тихо признался:

— Я вдруг вспомнил... есть такой Се Тин, не знаю, знаком ли ты с ним. Он влил мне в рот огромную кружку воды и заставил выпить всё до последней капли, пригрозив, что иначе накажет меня так же, как тебя.

Фэн Бай:...

Он на мгновение умолк, и лицо его потемнело со скоростью, видимой невооруженным глазом. Недружелюбным тоном он процедил:

— Это тот парень, что стоял рядом с тобой в актовом зале в тот день? Не припомню такого. — Подумав немного, он выдавил сквозь зубы: — Лицо до того обычное, что в толпе во второй раз ни за что не сыщешь.

Почувствовав, как внезапно испортилось настроение Фэн Бая, Сы Жун больше ничего не сказал и снова опустил взгляд, помешивая фарфоровой ложкой оставшуюся кашу.

— Фэн Бай, я больше не хочу... — еще тише, словно боясь, что Фэн Бай станет его ругать, произнес он, теребя край пижамных штанов.

Фэн Бай осекся, и весь его кислый гнев вмиг растворился, улетучившись без следа.

Он уселся прямо на постель Сы Жуна, прижавшись крепким мускулистым бедром к тонкому, белому и гладкому бедру парня. Забрав у него пиалу, он запрокинул голову и в один присест осушил остатки со дна, прямо там, где к посуде прикасались губы Сы Жуна.

Затем он выбросил мусор, пощипал мягкие щечки Сы Жуна и терпеливо произнес:

— Не хочешь — не ешь. Чего ты такой жалостливый?

Сы Жун опешил от такого взгляда и с запозданием протянул:

— Я же из этой миски ел, как ты мог всё допить...

— Люблю доедать за тобой, нельзя разве?

Ты даже кое-что похлеще моего пробовал, мысленно хмыкнул Фэн Бай.

Сы Жун не нашелся с ответом. Отрешенно отвернувшись, он откинул край одеяла и, опустя глаза, пробормотал:

— Я так устал, спать хочу.

Разговоры и шаги в коридоре постепенно затихли. Сы Жун заметил, что они с Фэн Бай хранили странное молчание: оба словно по негласному договору избегали упоминать о том, что каждый из них пережил во время игры. Впрочем, ничего постыдного или требующего утайки там не было.

Один конец одеяла никак не поддавался — его тянули в разные стороны. Сы Жун скосил глаза и поджал губы:

— Я правда буду спать.

Фэн Бай сидел, широко раскинув ноги, от его носа на простыню падала резкая тень, а во взгляде сквозила легкая ленивая небрежность.

Раздался щелчок, и в одно мгновение свет погас во всей комнате: наступил час отбоя и отключения электричества в общежитии, дежурный щелкнул главным рубильником.

Сы Жун привык к внезапно наступившей темноте и только было собрался заговорить, как сзади его обдало теплом чужой груди. Подбородок Фэн Бая уперся ему в макушку, а горячее дыхание скользнуло по волосам, то и дело легко касаясь их.

В спальне царила абсолютная тишина, и Сы Жун отчетливо чувствовал мощную грудную клетку спортсмена за своей спиной и его учащенное сердцебиение.

Фэн Бай не стал делать ничего лишнего — он просто крепко обнимал его со спины, словно какую-то мягкую игрушку, растеряв свою обычную ледяную жесткость и покорно обнажая самые уязвимые стороны своей души.

— Когда игра начнется снова, больше не уходи далеко, — прикрыв глаза, глухо произнес он. — Я чуть с ума не сошел, пока искал тебя.

— Больше не пугай меня так, я очень переживаю.

На слегка порозовевшем лице Сы Жуна все еще читалось легкое недоумение, но он мягко ответил:

— Ладно.

— Слушай, — Фэн Бай запнулся на пару звуков, долго подбирая слова и наконец выдавил из себя: — Я ведь лучше этого Се Тина... верно?

— Если бы однажды тебе пришлось выбирать между мной и им, кого бы ты выбрал?

Сы Жун не понимал, к чему задавать столь бессмысленные и странные вопросы, но отлично

знал, как на них отвечать.

— Тебя выберу.

В этом вопросе он разбирался: если бы Се Тин спросил, кого выберет он, то ответил бы, что Се Тина. Вертясь среди людей, нужно уметь приспосабливаться к обстоятельствам, иначе целым не уйдешь.

Глубокой ночью уголки губ Фэн Бая заметно поползли вверх.

Когда хватка Фэн Бая немного ослабла, Сы Жун выскользнул из его объятий. Ему было лень возиться и снимать обувь руками, поэтому он просто поболтал ногами в воздухе, скинул кроссовки и медленно заполз под одеяло.

Закончив приготовления, Сы Жун лежал в темноте, глядя в потолок, и настраивался на сон.

Вдруг край одеяла откинулся, и в постель протиснулось крупное, твердое тело, настойчиво норовящее прижаться к нему боком.

Сы Жун уперся руками и приподнялся на локтях. Его мягкие темные волосы растрепались. Вытянув чистую белую ногу, он уперся ступней в плечо наглецу, натянув подъем, чтобы преградить ему путь.

— Ты что удумал?

Фэн Бай тут же перехватил его за колени, ощутив гладкую и нежную кожу, и низко произнес:

— Будем спать вместе. Ты лежишь рядом, а я один уснуть не могу.

Почувствовав, как его стопы оказались в плену больших горячих ладоней, Сы Жун счел позу не слишком приличной. Наваливалась сонливость, он уже клевал носом и, резко взмахнув ногой, безжалостно отпихнул назойливого парня.

Фэн Бай, не ожидавший такого отпора, свалился с кровати. Чувствуя на ладонях слабый аромат чужой кожи, он больше не стал докучать засыпающему Сы Жуну. Словно прирученный зверь, он так и остался сидеть на полу, прислонившись спиной к его кровати, и проохранял его сон всю ночь.

<http://bllate.org/book/20943/2123128>